

Васильта

Ирина ПРОНИ
ТАЙНА

Истории о чувствах

Ирина ПРОНИ

Тайна. Истории о чувствах

«Издательские решения»

ПРОНИ И.

Тайна. Истории о чувствах / И. ПРОНИ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907778-3

Разные героини: Ольга — молодая, благополучная женщина от скуки бросается в тайное романтическое приключение. Кого это касается?! — считает она. Нечаянный эпизод изменит её взгляд. Маргарита Дмитриевна любила одного, замуж вышла за другого. Но та её любовь не отпускает её всю жизнь. Вера — трудолюбие, заботы о детях и муже — её повседневность из года в год. А любовь? Было ли она? Ника — повороты судьбы, переезды, страны. Любила и была любима. Чувства сердца — вот главная музыка её души.

ISBN 978-5-44-907778-3

© ПРОНИ И.
© Издательские решения

Содержание

История первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тайна Истории о чувствах

Ирина ПРОНИ

Редактор Людмила Михайловна Леонова

Дизайнер обложки Елена Сорокина

© Ирина ПРОНИ, 2018

© Елена Сорокина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7778-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора. Некоторые эпизоды рассказов кому-то могут показаться знакомыми. Но это не пересказ чьей-то жизни, не биографические портреты. В основном, здесь всё авторская фантазия, художественное повествование.

История первая ОЛЬГА

Проходите, пожалуйста, к тому столику слева у окна, – сообщил Лидии Павловне официант, – вас ждут.

Он проводил её до места и отодвинул стул.

– Добрый день! – заулыбалась молодая женщина, сидящая за столиком.

Официант удалился, и Лидия Павловна уточнила:

– Вы Ольга? – Ей не хотелось начинать знакомиться при ком-то ещё.

– Да, я Ольга Ниверина, та самая, которая просила вас о встрече.

Неделю назад, когда Лидия Павловна появилась на радио, где читала свои рассказы, редактор сказала ей:

– Вас домогается одна слушательница. Звонила в студию несколько раз. Сказала, ей необходимо поговорить с вами лично. Вот вам её контакты, сами решайте, как быть. Особа настойчивая.

Пока Лидия Павловна раздумывала, как ей поступить, слушательница снова позвонила в студию, застала там Лидию, и так уж получилось, что пришлось согласиться увидеться. Да и любопытно стало, впервые Лидию Павловну просили о такой встрече. Ольга предложила встретиться в кафе.

– Что же побудило вас встречаться со мной?

– Услышала по радио, как вы читаете, что-то меня зацепило. Я разыскала через интернет вашу книгу с разными загадочными историями, прочла её и поняла, что мне просто необходимо с вами поговорить. Вы предлагаете слушателям делиться своими историями, вот я и следую вашему призыву.

– Вы могли бы всё написать и прислать мне.

– У меня не получится всё описать. Поэтому ничего другого кроме личной встречи я придумать не могла. С чего мне начать?

– Вначале расскажите что-то о себе.

– Нет. Вначале мы что-нибудь закажем, – улыбнулась Ольга, так как официант уже предлагал им меню. – Что вы желаете?

– Пожалуй, только кофе. И мороженое к нему.

– Для завтрака уже поздно, для обеда ещё рано. Я тоже остановлюсь на кофе. А что мы будем пить?

– Пока только кофе.

– Ваши книжные героини в поезде начинают с шампанского.

– У них был повод – день рождения.

– Повод... Потом всё перешло в откровенную беседу. Я позавидовала, что люди едут вот так, знакомятся, разговаривают.

– В дороге часто так бывает. Поездка на поезде всегда небольшое событие. Продолжительная пауза от повседневных мелких хлопот настраивает на раздумья. Занятий никаких, кроме как в окно смотреть, книжку читать, да чай пить. Люди оказываются на сутки или больше в одном купе в довольно тесном пространстве. Как тут не познакомиться? Рассказывают друг другу, кто куда едет, что оставил дома. И порой случайному попутчику доверяют то, что на сердце. От некоторых поездок надолго запоминаются и пейзаж за окном, и попутчики, и дорожные разговоры.

– Вы когда-нибудь изменяли мужу?

– Позвольте, Ольга, вы собирались рассказывать о себе, а начинаете расспрашивать меня!

– Хороший ответ. По крайней мере, без ханжества, типа, ах, как так можно!

– Ольга, вы уверены, что в качестве собеседницы вам нужна я? Такие темы обычно обсуждают с близкими подругами.

– У меня нет подруг, которым мне бы захотелось доверить свою тайну. Но мне нужно выговориться. Помните сказку: один человек имел тайну, она мучила его, и ему хотелось с кем-то ею поделиться. Довериться было некому, так он всё колодцу рассказал.

– Тайну услышал куст, который рос около колодца. Из этого куста пастух сделал дудочку, а дудочка громко пересказала услышанное. Вас не пугает аналогия?

– Она меня и привлекает. Если вам подойдёт мой рассказ, используйте его по своему усмотрению. А для меня было бы полезно кое в чем разобраться.

«На какую пользу от встречи рассчитывает эта молодая особа? Чем я могу помочь привлекательной молодой женщине, очевидно, неглупой и уверенной в себе», – подумала Лидия Павловна. Она внимательно посмотрела на свою визави и встретила доброжелательный открытый взгляд.

Пожалуй, Ольгу нельзя было назвать красавицей, но в ней была та привлекательность, которая обращает на себя внимание и сразу располагает к молодой женщине. Лицо ухожено, но без излишнего грима. Светло карие глаза, приподнятые брови, откиннутые назад и подвитые снизу каштановые волосы до плеч. Облегающий кашемировый свитер не скрывал ладную фигуру, аккуратную грудь и прямые плечи. К мягкому бежевому свитеру очень подходил кулон – крупный ясно прозрачный камень без оправы на кожаном ремешке.

– Замуж я вышла рано, ещё студенткой. Вместе с получением диплома юриста я родила дочку, а через два года ещё одну. В семейной жизни всё благополучно. Муж у меня талантливый ученый. Он окончил филфак, ещё в университете начал заниматься сравнительным языкознанием. Сейчас в свои 40 лет он уже доктор филологических наук.

– Значит, он не только талантливый ученый, но и целеустремленный человек.

– Это так. Кроме того, у него есть супернадёжная помощница.

– Вы, как его жена?

– Нет, не я, а его мама. В нашей жизни самое активное участие принимает его мама, моя свекровь. Перед свадьбой она сообщила мне: «Тебе будет легко с моим сыном. Я его подготовила, он знает о женщине всё, что должен знать мужчина». Какие знания о женщине для мужчины, вступающего в брак, считаются исчерпывающими, я не уточняла. Но характер у моего мужа, в самом деле, покладистый. И он послушный и разумный сын своей мамы.

Некоторое время после университета я не работала, сидела, как положено, с детьми. Но потом, как у всех: девочки пошли в садик, а я вышла на работу в качестве помощника нотариуса в солидной нотариальной конторе. Зарплата приличная, гораздо больше, чем у моего мужа, ученого-гуманитария. Но рабочий день напряженный: постоянный поток людей, вечная очередь в коридоре, документы, бумаги. Дома я вела практически всё хозяйство. Денис теоретически не отказывался помочь. Но был вечно занят своими словарными цепочками, синонимическими рядами и прочими лингвистическими схемами, так что я к нему обращалась редко.

Из-за непривычно большой для меня нагрузки (работа плюс быт) у меня начались проблемы с желудком, и нервы стали на пределе. В один прекрасный день мои родители объявили, что купили мне дорогую путёвку в престижный, бывший номенклатурный санаторий в Кисловодске.

Процедуры, минеральная вода, возможность отоспаться – через неделю я взбодрилась и увидела, как прекрасна весна в этой местности. Чудесный парк, цветущие деревья, радостный щебет множества птиц. Я гуляла по аллеям и думала о том, как было бы здорово, если бы сюда мы приехали вместе с Денисом. Да, я мечтала именно о том, чтобы в эдакой красоте побыть вдвоём с мужем. Без детей и без заботливого надзора его любящей мамы. А вокруг, стала я замечать, – сплошные курортные романы! Наверное, набирающая силу весна, природа и успешное лечение способствовали романтической активности отдыхающих. У меня тоже появился ухажёр. Вечерние курортные развлечения: танцы и кино. Станислав Евгеньевич, ещё стройный, красиво седеющий мужчина, приглашал меня на вальс-бостон. Вёл он хорошо, танцевать с ним было приятно. После танцев стал ненавязчиво провожать меня до моего корпуса. Не помню, о чем мы с ним беседовали во время прогулок. Возможно, обсуждали вопросы статистики, – Ольга усмехнулась, – он сообщил мне, что работает в Госкомстате.

Как-то пригласил меня с моей соседкой по комнате к себе «на вечернюю рюмочку коньячка с шоколадной конфеткой на закуску». Ухаживания становились всё настойчивее, это заставляло меня ещё больше думать о муже. Почему по вечерним аллеям я хожу с каким-то Станиславом Евгеньевичем, а не с Денисом?! Эпоха отдалённой мобильной связи тогда ещё не наступила, и мне приходилось ходить на переговорный пункт, чтобы узнать, как там у меня дома. Разговоры были непродолжительны, типа, всё нормально, занят подготовкой очередной статьи, как твои процедуры, целую, пока. Мне казалось, что Денис и не замечает моего отсутствия. Он почти не задавал вопросов обо мне, и в его голосе я не улавливала тех эмоций, которых я ждала. Однажды перед тем, как пойти со Станиславом Евгеньевичем в кино (он заранее взял билеты), я отправилась на переговорный пункт. Разговор с мужем, как всегда, краткий, и мне показалось, даже какой-то поспешный. Я не выдержала, спросила почти с отчаянием:

– Денис! Ты меня любишь?

Мне очень хотелось услышать его ответ и почувствовать взаимную теплую волну.

– Конечно, зайка, люблю. – Ответил он торопливо без всяких оттенков чувств. И тут я услышала, как он сказал кому-то: – Я в мизере.

Я всё поняла. Он играл в преферанс. Это было любимое развлечение его и его мамы. Она считала, что эта игра неплохо очищает мозги. У них были партнёры, своя компания, и иногда они устраивали этот преферанс в квартире его матери на целую ночь.

Как я разозлилась! Так вот как, я скучаю, я тревожусь, я мечтаю о наших прогулках по парку, а ему не до меня. У них с мамой (с кем же ещё!) преферанс, на этот раз не у неё в квартире, а у нас! А может быть, у него уже и компания другая, совсем без мамы?

Я не могла сосредоточиться на фильме, который шел на экране. У меня внутри всё трепетало от обиды и злости. Короче, после фильма я приняла предложение Станислава Евгеньевича «на вечернюю рюмочку коньяка с замечательной конфеткой». Я решила, пора и мне найти себе приключение. Испытать, что эдакое чувствуют люди в подобной ситуации.

Станислав Евгеньевич оказался в известном смысле совсем не мачо. Занудно и скучно. Никаких эмоций с моей стороны, ведь я заставила себя пойти на это. Он, однако, решил, что всё будет развиваться дальше. Сожалел, что его путёвка заканчивалась через два дня, и что мы «потеряли столько времени», так он сказал. Я нашла повод не встречаться с ним на следующий день. Но перед отъездом он вручил мне свой рабочий телефон, и я, не найдя весомого предлога для отказа, дала ему свой.

– Дома у вас возникло чувство раскаяния, не так ли? – решила поторопить развитие сюжета Лидия Павловна, она знала такие истории. Почему-то многие охотно делились ими с нею.

– Раскаяния не было. Напротив, теперь я ощущала себя опытной и мудрой, познавшей также и потаённые стороны жизни женщиной. Да и невнимание мужа было для меня оправдательной причиной.

– Вы умеете принимать решения и нести за них ответственность, – заметила Лидия Павловна.

Через некоторое время Станислав позвонил Ольге и сказал, что хотел бы рассказать ей о своей поездке в Японию, что у него есть для неё сувенир. Зачем Ольга согласилась на встречу? Из любопытства, не иначе. Правда, она предупредила его, что у неё совсем мало времени, только её обеденный перерыв.

Встретились на Шаболовской, и он торжественно заявил, что хочет пригласить Ольгу к себе. Она снова не могла объяснить, зачем согласилась. В Москве стояла жара, мозги плавильсь, думать не хотелось. Он жил рядом с метро. Когда пришли в его квартиру, помещение просторное и нежаркое, он объявил, опять торжественно, что приготовил для неё замечательную освежающую ванну. Приоткрыл дверь в ванную комнату, и Ольга увидела наполненную ванну с лепестками роз по поверхности воды. Она хихикнула. Не встретив готовности с её стороны, он спросил:

– Может быть, вначале коньячку с конфеткой?

– А когда же рассказ о Японии? А сувенир? – она слегка ехидничала, поняв, что её заманивают в заранее подготовленную ловушку.

Они уселись за стол, покрытый плохо проглаженной льняной скатертью с ажурной пластиковой салфеткой посередине. Он достал початую бутылку коньяка и уже не полную коробку конфет-ассорти. Квартира была обставлена старой мебелью, шкафами типа шифоньер, и вообще производила впечатление почти убогое. Заметив, что она оглядывает его жилище, он пояснил:

– Я очень хотел жить в центре. Несколько лет потратил на обмены-размены. В конце концов, мне удалось заполучить эту квартиру, но на это ушли все деньги. Не знаю, когда дойдет до обустройства. Пользуемся тем, что осталось от прежних жильцов. Но здесь хорошо. Для всех удобно с транспортом. Три комнаты: вот эта – общая, у дочери своя комната, у нас с женой своя спальня.

– А где твоя жена? – поинтересовалась Ольга.

– Не волнуйся, она работе. Дежурит в больнице сутки через трое. А дочь сейчас в летнем молодежном лагере.

На предложение поговорить о Японии он без всякого энтузиазма вынул из шифоньера коробку из-под печенья, в которой лежали фотографии, как выяснилось давнишние. Поезда в Японию была то ли пять, то ли десять лет назад. В качестве обещанного сувенира он щедро предложил Ольге на выбор несколько стереооткрыток с лицами японок. При повороте открытки японки начинали улыбаться и подмигивать. И из-за плавающих в ванне лепестков роз и от подмигивающих японок Ольге стало смешно, она хихикала, а он, очевидно, думал, что её так радовали японские улыбки.

– Давай-ка, я кофейку приготовлю. У тебя ведь обеденное время. А ты пока иди принимать душистую ванну.

Он не хотел отступать от задуманного плана совращения гостыи.

– Я музыку сейчас поставлю.

С кассеты, вставленной в маленький магнитофон-мыльницу, запел Визбор: «Солнышко моё лесное! Где, в каких краях снова встретимся с тобою?» Гостеприимный хозяин удалился на кухню, а Ольга, насмешливо ответив тоскующему барду: «Солнышко твоё давно вышло замуж и рождает детей», неслышными шагами быстро покинула удачно выменянную квартиру.

Этот эпизод оказался лишь эпизодом, не оставившим в её душе никакого следа. Ни радости, ни торжества победы, ни веселого озорства.

– И Станислав Евгеньевич, спешивший оживить своё угасающее либидо, пока его жена с режимом сутки через трое делала в больнице уколы или ставила клизмы, и «солнышко лесное» с давней туристической тропы Визбора, и ванна с лепестками уже опавших роз: всё было и смешно, и гадко. Прошло, и ладно, – рассказывала Ольга.

– Он больше не позвонил вам? – поинтересовалась Лидия Павловна.

– Нет. Он не был глуп. Но был самонадеян, как многие мужчины.

Однажды в метро Ольгу окликнула незнакомая женщина. Она не сразу узнала соседку по комнате в санатории.

– Ольга, ты знаешь, что Станислав умер?

– Вот как? – удивилась Ольга.

У неё чуть не вырвалось: надеюсь, он не из-за меня застрелился? Дурацкая неуместная шутка! Но она спросила, как требовала ситуация:

– Что же случилось? Откуда тебе это известно?

– Тогда, после санатория мы с ним созванивались. И не только созванивались. Было кое-что. И по моей просьбе он устроил меня на работу в Госкомстат. Хороший был человек.

– Я встретила это известие довольно равнодушно, – не скрывала Ольга. Конечно, всегда жаль, когда кто-то уходит. Но так устроено. Станислав Евгеньевич был мне посторонним человеком, в моей душе не занимал никакого места.

Моя жизнь шла по заведённому порядку, состояла из работы и семейных обязанностей. Я много занималась детьми, девочки у меня хорошие и отношения у нас дружеские. Свекровь тоже к ним очень привязана. Наш дом состоит из десяти подъездов. Мы живём во втором, а Марианна Викторовна в десятом. Это целая автобусная остановка. Но, сами понимаете, расстояние автобусной остановки – это не поездка на метро с пересадкой. Очень удобно в бытовом общении и контроле над детьми.

Я продолжала работать помощником нотариуса в частной нотариальной конторе, где имела большую нагрузку из-за нескончаемого потока посетителей. Муж был полностью погружен в своё сравнительное языкознание. Его мать принимала самое активное участие в его научной деятельности. Успешно освоила новую для неё (после преподавания математики в школе) область науки. Она помогала любимому сыну вести переписку, учет, внешнее редактирование и т. д. Гордилась его успехами как своими. Поначалу и я принимала техническое участие в организации научного процесса, но поняла, что посвящение собственной жизни оформлению различных лингвистических таблиц, создаваемых супругом, не для меня. Интересы моего мужа в основном не выходили за рамки его научных изысканий. Конечно, у нас был некоторый круг знакомых, большей частью коллег моего мужа или тех, с кем пересекалась его научная деятельность. Дни рождения, дачные шашлыки, детские праздники. Денис был не просто старателен, но фанатично заиклен на своём сравнительном анализе. Его хвалили. Докторская диссертация была уже не только путеводной звездой в мечтах его мамы, но реально приближенной действительностью.

Мне рядом с ними бывало скучно. Девочки пошли в школу. Свекровь, будучи человеком организованным, помогала нам и с детьми. Интеллектуальный успех сына, выращенного ею самостоятельно без вмешательства в воспитательный процесс разведенного и забывшего их в ранние детские годы папаши, окрылял её. Ей хотелось, чтобы и внучки с ранних лет были, если уж не вундеркиндами, то обнаруживали бы признаки обширной любознательности. Главным мерилom человеческого интеллекта для неё была математика. На тех, кто не умел решать задачи про трубы в бассейне или не знал алгебраических формул умножения двучлена, она смотрела со снисходительным сожалением. Что с них взять! Им не дано! Она расстраивалась,

что внучки не хотели под её руководством дополнительно решать задачи и не проявляли интереса к шахматам.

– Вы знаете, Ольга, – заметила Лидия Павловна, – у меня ваша свекровь вызывает уважение

– Это так, если смотреть со стороны. И мне бы она нравилась больше, если бы не была матерью моего мужа и жила бы не в такой близости. По моему характеру мне сложно быть всё время под прессингом диктуемых обязательств. Между прочим, моя свекровь, Марианна Викторовна, довольно интересная женщина. И её года не прошли без внимания мужчин. На мой вопрос, почему она не вышла замуж снова, она ответила: «Среди тех мужчин, что мне попались, не нашлось никого, кто был бы достоин моего сына». Вот такой ответ!

Ещё в школе мне нравилось сочинять. На работе передо мною проходило множество людей. Люди всякие: умные, глупые, хитрые, простаки, молодые и совсем старые. Юридические и имущественные проблемы, с которыми обращаются к нотариусу, по-разному высвечивают человеческие характеры и отношения. Сами собой стали напрашиваться сюжеты. Мне захотелось записывать свои детективные фантазии, основанные на реальных случаях.

Ошибочно мне казалось, что творчество с помощью ноутбука не так и сложно, как если записывать всё рукой по буковке на бумаге. Мои литературные пробы не выливались во что-то большое. Это было лишь небольшое развлечение, но оно требовало времени и демонстрировало домашним моё отключение от семейных процессов. Поначалу никто не обращал внимания, что я сижу с ноутбуком. Свекровь однажды мимоходом (как бы мимоходом!) заметила, что я могла бы и Денису помогать, раз уж я рыскаю по интернету. Я ответила, что у меня свои интересы, что я нашла пространство для личного самовыражения.

– Зачем тебе это? – скривилась Марианна Викторовна. – Ты вышла замуж за ученого. Должна проявлять интерес к его науке и к его научным делам.

Слова «ученый» и «наука» всегда произносились со священным трепетом.

– Я выходила замуж за любимого человека, – не удержалась я, – чувства для меня были важнее, чем его будущая деятельность.

На наших отношениях с Денисом всё это не отражалось. Он не настаивал, чтобы я включалась в его дела настолько, как его мамаша. Вторая помощница ему не требовалась. Кроме того, с самого начала нашей совместной жизни у нас негласно установился принцип невмешательства в работу другого. Он также мало интересовался моей деятельностью в нотариальной конторе.

Я так подробно рассказываю о себе, чтобы обрисовать мою жизненную ситуацию и всё моё душевное состояние.

К ним подошел официант забрать пустые чашки:

– Что ещё будем заказывать?

– Лидия Павловна, не сидеть же нам за пустым столом! – заулыбалась Ольга. И не дождав-шись реакции своей собеседницы, заявила официанту:

– Пожалуйста: ваши фирменные запеченные баклажаны, ветчину. И дайте вашу винную карту.

«Она умеет командовать, и не стеснительна», – подумала Лидия.

– Что мы выберем? – спросила она Лидию, бегло пробежав глазами поданную ей винную карту.

– Полагаюсь на ваш вкус, – ответила Лидия Павловна.

Ольга заказала испанское вино.

– В тот вечер я могла не спешить домой. Девочки были на даче с моими родителями, а муж и его мама-помощница находились в Минске на семинаре по новым направлениям в язы-

кознании, – продолжила свой рассказ Ольга. – Не торопясь, я шла после работы к метро. Обратила внимание, что в помещении на первом этаже, где прежде располагался приемный пункт прачечной, появился художественный салон современного искусства. Красочный плакат сообщал прохожим о вернисаже.

Через стеклянную витрину Ольга увидела в ярко освещенном зале людей. Вход был свободный. Она зашла из любопытства. Оказалось, там демонстрировались какие-то инсталляции. На разновысоких тумбах стояли примитивные экспонаты, напоминающие конструкции из детских кубиков. В салоне было немногочленно, в основном устроители и участники мероприятия. Ольга зачем-то принялась рассматривать экспонаты. К ней подошел молодой человек и стал объяснять, как нужно глядеть на пронумерованные кубики и прямоугольники. Он нажал спрятанную кнопку, замелькала подсветка, и раздался прерывистый звук. Всё это было забавно, как потуги самодеятельного подражания чему-то. Веяло и халтурой. Ольга высказала своё мнение решительно, но не грубо. Тут же её окружили люди, завязался немного азартный, но и не принципиальный спор о современном искусстве. Устроителям было скучно, не имея внимания посетителей, а Ольге было безразлично и слегка комично слушать то, что они говорили. Ей не хотелось вникать, насколько серьёзно они сами воспринимали то, что демонстрировалось в зале. Молодая женщина вручила ей визитку, из которой следовало, что она эксперт по оценке современных произведений искусства. Высокий парень назвался свободным журналистом. Было еще несколько персон, среди них негр, такой черноты, что кожа его казалась не темно-коричневой, а черно-стальной. Оживленная беседа дополнилась несколькими бокалами красного вина. У них был вернисаж, поэтому предусматривался и легкий фуршет. Красное вино сделало беседу и спор об искусстве более непринужденными, но наступило время закрытия. Один из присутствующих предложил:

– Пойдёмте ко мне! Расходиться не хочется, с вами очень интересно, сказал он Ольге, – присоединяйтесь к нашей компании. Дойдём пешком, это неподалеку.

– Сначала мы отправились все вместе, – продолжала Ольга. – И искусствовед, и журналист, и негр цвета черной стали, и ещё кто-то. Я чувствовала себя свободно и уверенно, мне всё было нипочём. Неожиданное небольшое забавное приключение. Мне было легко, и я не спешила домой.

Ольга замолчала. К их столику подошел официант с подносом. Он поставил на стол тарелки, два больших прозрачных бокала и собрался налить вино.

– Почему бутылка уже открыта? – спросила его Ольга.

– Я попросил бармена откупорить её. Тут пробка очень тугая.

– Что же, придётся бармену и вам оставить эту бутылку себе. А нам принесите, пожалуйста, другую. Если вы не сумеете её откупорить, то это сделаю за вас я.

Лидия Павловна снова про себя с удовлетворением отметила спокойную уверенность своей собеседницы и её вежливое умение приказывать.

Официант, извинившись, выполнил свои обязанности без излишней суеты. Открыв новую бутылку, сначала налил немного в бокал Ольги. Она сделала пару глотков, удовлетворённо кивнула ему. Официант, запоздало демонстрируя этикет, наполнил их бокалы, держа левую руку за спиной. Спокойное безразличие Ольги к его профессиональной выучке косвенно означало великодушное прощение его промаха.

– За наше знакомство, – предложила Ольга.

Лидия с улыбкой поддержала тост.

– Так я примкнула к незнакомой компании, отправившись с ними продолжать вечер. Как я сказала, сначала мы пошли все вместе. Подъезд в старом доме монументальной постройки, куда мы пришли скоро был плохо освещен. Мы поднялись по широкой лестнице на второй

этаж. И тут оказалось, что нас всего трое: пригласивший всех гостеприимный хозяин, негр и я. Остальные растаяли в пути как-то незаметно. Когда дверь была уже отперта ключом, чернокожий друг внезапно распрощался и стремительно исчез. Мне показалось глупо и невежливо также умчаться. Хотя, как сказать. Возможно, именно это было бы самым разумным. Но выпитое на вернисаже красное вино. У меня раскрылись крылья свободы и понесли меня, как булгаковскую Маргариту в неведомое пространство. Всё происходящее казалось мне каким-то необычным и смешным приключением.

Мы попали в темный коридор, затем была отперта дверь в крайнюю комнату. Комната была плотно заставлена, так что свободное пространство имелось лишь около письменного стола. Очень быстро на столе появилась разрезанная дыня и вслед за ней моментально откупоренная бутылка вина.

– Нам нужно познакомиться, – сказал он, – как тебя зовут?

Очевидно, под влиянием изрядной доли алкоголя и необычности происходящего я ответила:

– Викилина.

(Почему в голову пришло столь странное и, возможно, несуществующее имя?)

– А коротко как будет? – без всякого удивления спросил он.

– Коротко будет Вики.

– А я Арнольд, – сообщил он.

– Значит, коротко будет Арни, – утвердительно заявила я.

– Значит, Арни.

– Чем ты, Арни занимаешься?

– Искусством.

– Искусством? Скажи, с чего ты живешь. За то искусство, что было выставлено в салоне, вряд ли кто-то станет платить. Чем ты зарабатываешь?

– Дизайном. Умею малярничать, делать ремонты, подбирать обои.

– Так вот твоё искусство! Ремонты и обои!

– Да так. А ты очень известная писательница? Как называются твои книги?

– С чего ты взял, что я писательница?

– Да ты сама нам об этом сказала.

Честно говоря, я не помнила, что сделала такое заявление в незнакомой мне компании.

– Видишь ли, Арни, я не то чтобы писательница, которая пишет книги. Я создаю детективные сюжеты и затем передаю их в разработку.

– Значит, ты работаешь в литературной бригаде?

– Не в бригаде. Я сама по себе.

Я принялась высокомерно, но и как бы доверительно, разяснять что-то про осуществление литературного процесса от замысла до воплощения, хотя не имела к этому никакого отношения. К этому времени я уже забросила свои домашние литературные пробы. Мне было отчего-то легко и забавно врать и выдумывать про себя небылицы. Я была совсем не я, меня несло в непривычном потоке. Мне было смешно от того, что можно было нести всю эту чушь, слегка умничать, слегка придуриваться, нисколько ничего не стесняясь.

– Ты такая классная! – восхищался Арни.

Он подвинул свой стул к моему, обнял меня, и мы поцеловались.

– Ты такая классная! – снова повторил он.

Арни был стремителен. Я не ожидала такого напора, но мне и не хотелось противиться ему. Мне также не хотелось быть разумной или хотя бы осмотрительной. Я была уже за новой неизвестной мне чертой. Все барьеры исчезли, условностей не было. Я уже летела на метле, как булгаковская Маргарита. Ощущение свободы, лёгкости и полёта завладело мною. Свобода,

свобода! Мне было весело и безбашенно. Я участвовала в процессе, но в то же время и смотрела на происходящее как бы со стороны, иронично оценивая для себя всю ситуацию.

Когда я засобиралась домой, Арни заявил, что проводит меня. Но об этом не могло быть и речи. Я и не думала показывать ему, где живу. Он настоял, что проводит меня до такси.

– Мне бы хотелось увидеться с тобой снова, ты такая классная! – повторял он.

– Давай обменяемся телефонами.

– Договариваться по телефону о встрече мы не будем, – заявила я. – Встретимся ровно через неделю на этом месте у памятника поэту.

Дом Арни был недалеко от площади Маяковского.

– Через неделю? Во сколько?

– После семи.

Мне не хотелось конкретики.

Я думала, что всё это останется хулиганским эпизодом в моей жизни. Пару дней я вспоминала об этом, посмеиваясь сама над собой: как это я решилась на такой финт? Но через три дня я уже обдумывала, как бы мне явиться к назначенному месту, и что будет дальше.

Я приехала к семи тридцати, Арни ждал меня уже час. Мы снова отправились к нему. Тот же подъезд с широкой массивной лестницей, та же тяжелая высокая дверь. Он отпер дверь ключом, первый вошел в темный коридор, показав мне жестом, что я должна немного помедлить. По-видимому, он оценил стратегическую ситуацию в коридоре и затем пригласил меня. Мы сразу вошли в его комнату, она была крайней слева от входной двери. В тесной комнате мало что изменилось с прошлого раза. Лишь было слегка прибрано. На письменном столе уже стояла бутылка красного вина и тарелка с персиками. В этот раз я могла оглядеться внимательнее. Высокий потолок не менее трех с половиной метров. Запыленная люстра-тарелка со свисающими хрустальными бляшками. Бархатные гардины и посеревший тюль на широком окне. Книжные полки почти до потолка, заставленные книгами и заваленные всякой всячиной. Лестница-стремянка, чтобы добираться до высоко стоящих книг. Обращал на себя внимание старинный шкаф с широкой зеркальной дверцей, обрамленной витыми тонкими колоннами по обеим сторонам. Еще один стол, круглый, очевидно, обеденный, задвинутый вплотную к книжным полкам. Рояль! Он занимал много пространства. Глубокое кресло, обитое синим гобеленом. Такой же синий гобеленовый широкий толстый диван с высокой мягкой спинкой, которая завершалась резной полочкой тёмного дерева. Торшер с двумя светильниками под пожелтевшими пластиковыми абажурчиками, один из которых имел след от ожога лампы.

– Это комната твоя? – поинтересовалась я, так как с моей точки зрения интерьер мало соответствовал молодому мужчине.

– Комната моя. Мне она досталась в наследство от моего дяди.

– Теперь, стало быть, тут живешь ты?

– Стало быть, я. Но я не всегда тут живу, скорее, бываю здесь.

– Водишь сюда доверчивых персон, таких как я? – съязвила я.

– Случается, – парировал он. – Но не вожу, а приглашаю. Причем, очень избирательно.

– Квартира коммунальная? – осведомилась я. Всё-таки следовало хотя бы приблизительно знать, в какое приключение я ввязалась.

– Одна комната пустует, уже давно заперта. В ещё одной комнате живет весьма пожилая особа, настоящая пиковая дама. Я не люблю с ней встречаться.

– И ты не хочешь, чтобы она видела твоих гостей. Так?

– Так. Ты сообразительна и вовсе не доверчива.

Он заметил мой внимательный взгляд на бутылку вина.

– Это хорошее итальянское вино. Бутылка запечатана, а фужер сама выбери, который тебе нравится.

Он давал мне понять, что ничего мне не навязывает и ни к чему не принуждает, что окончательный выбор за мной. На столе на хрустальном подносе стояли красивые фужеры тонкого стекла.

– Сколько времени ты можешь посвятить мне сегодня? – совершенно просто и конкретно осведомился он.

– Часа два.

– Неплохо! – засмеялся он. – Мы будем заниматься тем же, чем и в прошлый раз?

Мне хотелось выглядеть решительной и смелой.

Так началось моё приключение. Моя тайна, моё личное свободное пространство.

Поначалу мы каждый раз договаривались о встрече на следующую неделю. Я не давала свой телефон, и не брала его номер. Задумала так: если однажды запланированная встреча сорвется, значит, всё дальнейшее прекратится. Но однажды не сорвалось, и однажды он всё-таки вручил мне мобильник, новый, но совсем простой, какими пользуются пенсионеры. Сказал, что уезжает на месяц, и хотел бы дать мне знать, когда снова появится в Москве.

– В какие края направляешься?

– Не очень далеко. Есть возможность поучаствовать в интересном проекте, ну и денег заработать.

Я никогда не распространялась о своей жизни, которая протекала вне стен его комнаты, и он не стал загружать меня своими подробностями.

– Пусть будет мобильник, – великодушно согласилась я, – но связь будет такая: ты сообщаем мне лишь день недели. Например, «среда». Если я отвечаю «ок», то время и место, как всегда. Если ответа нет, значит, я не могу явиться.

Арни принял моё предложение. Мне самой уже не хотелось переводить наши встречи на волю случая. Но, идя на поводу у собственного гонора, я всё-таки внушила себе, что мобильник ничего не значит. Арни не знает моих координат, я свободна и могу выбросить этот аппарат в любой момент. Но терять Арни мне уже не хотелось.

Прошло больше года с начала наших тайных отношений. Мне всё это стало ужасно нравиться. Я ничего не рассказывала Арни о себе. Правда, я всё-таки сказала, что я замужем, ведь иначе моя скрытность выглядела бы странной или чудной маниакальностью. Сказала и о том, что работаю в юридической сфере. Арни хотелось расширить пространство наших встреч. Несколько раз предлагал мне пригласительные билеты на какие-то вернисажи или выставки, где мы могли бы увидеться публично. Но я отказывалась, что-то выдумывала. Я опасалась, что придуманная мною конспирация случайным образом нарушится.

– «Как пленницу, тайну храни неусыпно» – процитировала Лидия Павловна.

– Совершенно верно, – улыбнулась Ольга.

Лидия Павловна заметила, что её собеседница улыбочива и иронична по отношению к самой себе, что всегда производит хорошее впечатление и вызывает доверие. Держалась она уверенно, что свойственно тем, кто работает с людьми.

Вино, выбранное Ольгой, оказалось на самом деле неплохим.

– Мне всё больше нравилось место наших встреч. В этой комнате было что-то таинственное. Я, словно, переступала черту в другой мир, и сама становилась другой. Ведь и имя у меня здесь было иное. Мне нравилось рассматривать предметы. Старинный шкаф с великолепным зеркалом, широким, ровным, не попорченным временем. Сколько ему было лет, какие образы и персоны запечатлелись в его отражениях? Можно было бы вообразить, что именно оно, это

зеркало, помогает перешагивать за черту дозволенного в обыденной жизни. Но я не люблю Кэрролла, вернее, не являюсь поклонницей его Алисы, поэтому по поводу зеркала у меня были свои фантазии.

Я удостоверилась, что Арни на самом деле тут бывал редко. Иногда только для меня. Каждый раз к моему приходу была приготовлена новая, запечатанная, а не недопитая в прошлый раз, бутылка вина, всегда хорошего.

В вине я разбираюсь. В течение двух месяцев я посещала курсы сомелье, чтобы чем-то разнообразить свою жизнь. Как ни странно, моя свекровь одобряла это. Она считала, что подобные знания полезны для жизни и производят хорошее впечатление в обществе.

К вину имелись фрукты, иногда хороший сыр. Никаких конфет. У нас с Арни были простые, без притворства (если не принимать во внимание моё умалчивание и некоторое враньё о себе) отношения. С ним я чувствовала себя естественно. Не было ничего, что могло меня смутить, обидеть или насторожить. Ни он, ни я нисколько не стеснялись своей наготы. Наша нагота была непринужденной и не всегда имела провоцирующий подтекст. Мне нравилось стоять с бокалом вина голой перед зеркалом, нравилось, отражаться в нём вместе с Арни во весь рост. В старинном зеркале с витыми колоннами по бокам и резной короной наверху мы выглядели как две античные фигуры. Мы вдвоём совершенно голые забирались на стремянку и рассматривали книги. Я не считаю себя глубоким знатоком мировой литературы, но в книгах разбираюсь, так как моя бабушка всю жизнь собирала книги, любила похвастаться своими приобретениями и порассказать о них. Здешняя библиотека была обширна и изыскана по подборке книг. Несколько полок занимала поэзия. Были совсем старые книжечки, имелись как редкие советские издания, так и массовые. Тут стояла Большая библиотека поэта, также Малая библиотека поэта.

– Кто был твой дядя? поинтересовалась я.

– Кто? Человек. Правда, весьма своеобразный.

– Чем занимался?

– Советский инженер, точнее ученый-математик, системный аналитик. Трудился в закрытом КБ.

– Раз комната досталась тебе, наследнику не первой линии, значит, у него детей не было, – предположила я.

– Совершенно верно. Он жил один. Я бывал у него часто, мы дружили. Он был сводный брат моей мамы, был намного старше её.

– И что же, он не был женат?

– Был женат, но не долго, что-то у них не сложилось.

– И больше ему никто не встретился на жизненном пути?

– Видимо так. Между прочим, когда он услышал песню «Миллион алых роз», то заявил, что это почти про него. Он был влюблён в артистку оперетты Татьяну Шмыгу.

– Был её горячим поклонником?

– Не поклонником, а именно по-настоящему влюблённым в неё мужчиной.

– Был знаком с ней?

– Только бегло. Восхищался, мол, замечательный талант дан совершенно необыкновенной женщине. По поводу женитьбы он высказывался, что не хочет ни с кем связывать свою жизнь, потому как не может кого-то подвергать риску. Я говорил тебе, что он работал в закрытом КБ. Не знаю, что они там изобретали или разрабатывали, но дядя всю жизнь был невыездной, ему не разрешалось выезжать за рубеж. Даже поездки по стране он должен был согласовывать. И он всегда опасался, что его могут посадить.

– Имел проблемы с законом?

– Он говорил, что для тех, кто работает в такой сфере, как он, повод для посадки не нужен. Но у властей может возникнуть необходимость. Причем, он считал, что это правило действует повсюду, не только в нашей стране.

– Рояль для чего? Пел или музицировал?

– Играл неплохо. Но это случалось редко. Рояль достался ему от его отца, моего дедушки. Дедушку я помню совсем старым. Он был аккомпаниатором у студентов консерватории, которые осваивали вокал. Говорили, что в трудные времена он был хорошим тапером, и что был великолепным импровизатором.

– А ты, Арни, играешь?

– Конечно! Восемь классов музыкальной школы – необходимая составляющая для творческого развития ребёнка, так считалось в нашей семье.

– Что я могу услышать в твоём исполнении? Полонез Огинского или Лунную сонату?

– Не будем тревожить Пиковую даму, – уклонился Арни.

Образ дяди вызывал моё любопытство. Чем он занимался в своем КБ, можно было предполагать абстрактно. Но личность этого человека отражала его комната. Она была уютна тем, что отражала привычки утонченного человека. Здесь не было застоявшегося запаха старых вещей, которые наследнику просто жалко или лень выбросить. Здесь существовало другое время, другая эпоха. А для меня тут была моя тайная жизнь под другим именем. Предметы в комнате соответствовали друг другу, даже торшер с обгоревшим пластиковым плафоном был уместен. Старинная деревянная стремянка была в хорошем состоянии. Она легко раскладывалась и складывалась, и что было необычно, имела наверху широкое сидение. Мне нравилось, когда мы с Арни, уже опустошенные друг другом, совершенно голые усаживались на верхотуре с бокалами вина. Одной рукой он обнимал за плечи меня, другой рукой, занятой бокалом, указывал на корешки книг, рассказывал о них. Мы никогда не вытаскивали книг с их мест, я сразу отказалась от этого. У меня не было потребности что-то здесь ворошить. Нарушение когда-то установленного порядка было бы вторжением в чужой мир. Мне было достаточно моего мира, который доставался мне в этой комнате с её особой атмосферой. Здесь я оказывалась в другом пространстве, которое считала территорией своей личной свободы.

Сюда я не брала с собой никаких проблем из моей повседневности. Здесь я не имела никаких обязанностей, а покидая эту комнату, я не думала о ней. Всё, бывшее здесь, исчезало, как только я возвращалась в мою обычную жизнь. Реалии моей обыденной жизни с пребыванием в этой комнате не пересекались. Однажды я заметила на полке том Шарля Нодье. Вспомнила, что это один из писателей, кого в уединении читала Татьяна Ларина. А Тургенев, якобы, заплатил 10 рублей, чтобы эту книгу дали ему из одной частной библиотеки на пару дней. Я поборолась в себе искушение хотя бы полистать страницы. Мне не хотелось ничего трогать здесь или уносить с собой даже на время.

Старинное зеркало было комплементарно ко мне. Мне нравилось смотреться в него. Иногда казалось, что зеркальная поверхность являет мне не меня, а некую незнакомую персону с флёром таинственности. В этом было что-то завораживающее. Арни однажды сказал:

– Жаль, что я не пишу портретов. Хотел бы я запечатлеть твоё отражение в этом зеркале!

Мне вздумалось его подколоть: вот как, значит, картинка в зеркале тебе нравится больше, чем я сама. Но что-то помешало мне так высказаться, я ведь и сама улавливала в отражениях этого зеркала иное, дразнящее приятное и даже преувеличенно лестное.

У нас с Арни были свои ритуалы. Как только мы переступали порог, и он плотно закрывал дверь, мы бросались друг к другу. Иногда это было даже комично, но помогало сразу во всех смыслах сбросить всё, что нам мешало или сдерживало. Мы сразу забывали обо всём, что существовало за стенами. Вино мы пили уже потом и о чём-то говорили тоже позднее.

– Какой-то Декамерон, да и только! Зачем вы посвящаете меня во все ваши подробности? Может быть, я услышу еще и о том, что вы, отправляясь на свидание, закутывались в накидку, чтобы быть неузнанной, – Лидия Павловна не могла понять, почему на неё обрушивается такая откровенность, и почти сожалела, что согласилась на встречу.

– Про накидку вы почти угадали. У меня неплохая зарплата, и я предпочитаю дорогую одежду, но к Арни я всегда одевалась просто и однообразно. Даже закупила китайский пуховик для свиданий при соответствующей погоде.

– Выслушивание чужих откровений иногда накладывает некие обязательства.

– Герои ваших рассказов также откровенничают. Разве не так? Едут в поезде и всё рассказывают случайным попутчикам.

– Они рассказывают о чудесных случаях, в которых нет тайн. Напротив, люди, как правило, охотно делятся такими особыми историями.

– Моя история – тоже особая. Мне необходимо описать обстоятельства и всю атмосферу, чтобы перейти к тому, что за этим последовало.

Лидия Павловна видела, что её собеседнице рассказ, погружавший её в воспоминания, доставлял удовольствие.

– Должна вам сказать, что обстановка старой комнаты казалась вам романтической из-за вашей тайны, – заметила Лидия. – По описанию это довольно типичная комната в старой московской коммунальной квартире. Обширная библиотека показывает не только литературные пристрастия её хозяина, но и его возможности по доставанию книг. В семидесятые и восьмидесятые годы многие собирали книги. Конечно, из разных побуждений. Кто-то, как дядя вашего Арни, создавал тематические подборки. Это было интересно. А кто-то скупал всё подряд, что попадалось, и это становилось простым вкладыванием денег. Продать книги дороже их номинала не составляло проблемы. Иные издания на черном рынке или через букинистов шли в десятки раз дороже стоимости, указанной на задней обложке.

– Арни мне говорил, его дядя как-то похвастался, что за его библиотеку можно было купить трёхкомнатную кооперативную квартиру и машину в придачу.

– Возможно. Но одинокому человеку не полагалась трёхкомнатная квартира даже в жилищном кооперативе. Так что книги являлись и увлечением, и возможностью позволить себе что-то помимо необходимого. Я думаю, в комнате, о которой вы рассказываете, имелась ещё одна деталь, которая вам, конечно, запомнилась. Портрет Хемингуэя в тонкой металлической окантовке под стеклом.

У Лидии мелькнула мысль, не разыгрывает ли её эта Ольга, не выдумка ли это или плод фантазии скучающей женщины с богатым воображением. Она схитрила, сказав про портрет. Ей хотелось поймать рассказчицу на, якобы, обязательных деталях. Если она для достоверности подхватит тему про портрет...

– Черный двухтомник Хемингуэя среди книг я видела, это издание мне знакомо. Но портрета не было. Неужели такой портрет в окантовке под стеклом был столь типичен для времени?

– Из всех западных переводимых писателей самыми популярными в нашей стране были Ремарк и Хемингуэй. Но если Ремарк был, что называется, доступен для всех, то Хэм ценился и принимался больше в интеллектуальной среде. Он воспринимался как апофеоз индивидуализма. И тот, кто держал его портрет на видном месте, демонстрировал не только свои литературные вкусы, но и своеобразно заявлял о своём почти вольнодумстве.

– В этой комнате не было вообще никаких фото. Мне было бы любопытно узнать, как выглядел когда-то насквозь засекреченный жилец этой комнаты.

Мы никогда не говорили о чем-то своем и личном, которое существовало за стенами комнаты. Книжки, художники, будущее и прошлое искусства – всё это было интересно для нас обоих. Но оно нисколько не соприкасалось с нашей повседневной жизнью. Нужно ли читать много? Где грань между квалифицированным ремесленничеством и истинным искусством? Почему

художник, покинув своё место обитания, может оказаться востребованным и интересным для широкого зрителя, а писатель, выпадая из своей языковой среды, оказывается в глухом пространстве? Почему живопись как вид искусства более сложна для понимания, чем музыка? Эти темы неисчерпаемы для бесед и дискуссий. Кроме Арни непринуждённо поговорить об этом мне было не с кем.

Обсуждение дяди нам было нужно, так как всегда требуется говорить о ком-то из близких или знакомых, если уж не о себе. Не помню, в каком контексте, я сказала Арни:

– Я выросла под песню моей бабушки «Артиллеристы, Сталин дал приказ!»

Он спросил:

– Твоя бабушка была сталинистка?

– Напротив, она не любила его. Говорила, что победа в войне свершилась совсем не ради него. Но она считала, что нельзя по ситуации менять слова песни. Из песни слова не выкинешь, как из всей истории. Она была ветераном, во время войны служила в войсках противовоздушной обороны. С дедушкой она познакомилась в поезде, когда возвращалась после победы домой. Я обожала слушать её рассказ о том, как они с подругой, еле уместаясь вдвоём на верхней полке, ехали в переполненном вагоне. Бабушка глянула вниз, где все сидели друг на друге. И вдруг она увидела такие глаза, такой взгляд молодого красивого офицера, что в ту же секунду решила: он будет моим, ни за что не упусти! Всю жизнь они не расставались ни на один день.

– Да, у твоей бабушки был характер, – заметил Арни. – У внучки он тоже имеется.

Пожалуй, это было всё, что я ему рассказала о себе, о своей семье.

После одного или пары бокалов вина, ни к чему не обязывающих интересных разговоров, сопровождающихся приятными поцелуями, синий диван снова демонстрировал нам свою прочность и абсолютную не скрипучесть старых пружин. Я как-то сказала Арни:

– Знал бы твой дядя, что поделявает его племянник в унаследованной комнате!

– Дядя не был ханжой. Он был романтиком. Как-то сказал мне: «Всю жизнь я мечтал оказаться на отпадной гулянке. На такой, чтобы там присутствовали знакомые и незнакомые мне ребята. Чтобы с нами были весёлые и смелые девчонки, у которых лица не искажены строгим комсомольским уставом, а глаза не таят затаённого ожидания или укора: женись на мне. Чтобы мы пили не „столичную“, которая сама по себе, конечно, неплоха, а что-то другое, необычное для наших социалистических будней. Например, джин или мартини. Или кальвадос. Шампанское тоже подошло бы. Но не „Советское“, скороспелое, ударным методом зашампаненное за 23 дня. А вот бы „Мадам Клико“! Одно название чего стоит! И чтобы на этой нашей гулянке всё так закаруселилось, так забугивунилось и зарокэнролилось, что девчонки со стройными ножками визжали бы, запрыгивали на столы и дразнили нас своими пышными юбками колокольчиком!»

Дядя говорил мне, что с комнатой я могу в дальнейшем поступить, как мне будет необходимо. Но просил не бросать его книги. Он дожил до того времени, когда привычные для него понятия поменялись местами: квадратные метры превратились в миллионы, а книги люди начали выносить в подъезд. Я пока не могу представить, что делать мне с этой библиотекой. Между прочим, лишь после смерти дяди я узнал, что он был доктором математических и доктором физических наук. Он защитил не одну общую физико-математическую диссертацию, а две, отдельные, каждую для своей науки. Вот так!

Ольга прервала свой рассказ, так как к ним подошел официант. Он долил в их бокалы вина и, не получив больше никаких указаний, удалился. После небольшой паузы Ольга продолжила:

– Моя начальница Инесса Марковна дала мне поручение съездить домой к одному клиенту, который хотел продиктовать текст завещания у себя дома. Сказала, что он совсем больной, практически не ходит. Сказала, что я должна объяснить ему юридическую сторону документа и помочь подготовить текст, а уж она придет и заверит его по всем правилам. У нас не принято возражать Инессе, да у меня и возражений не было.

«Клиент, к которому ты направляешься, живет совсем не далеко от Брюсова переулка, где находится храм Воскресения Слоущего, – сказала мне моя коллега Катя. Для тебя это удобный случай зайти к иконе Спиридона Тримифунтского».

Катя говорит о себе, что она воцерковлена. Она соблюдает то, что положено соблюдать верующему человеку, и любит ездить в паломнические поездки. Прошедшим летом она побывала на острове Корфу, вернулась полная впечатлений и привезла мне оттуда небольшую икону Спиридона Тримифунтского. До этого времени я не слыхала о таком святом.

– Спиридон жил в конце 3 и начале 4 веков, – пояснила Лидия, – Он совершал многие чудеса, исцелял больных, изгонял нечистую силу. Однажды на глазах у многих он взял в руку кирпич и так сжал его, что из него вверх вырвался огонь, вниз потекла вода, а руке чудотворца осталась глина. Таким образом, он наглядно изобразил для людей идею триединства Господа. При этом сказал: «Се три стихии, а кирпич один, так и в Пресвятой Троице – Три Лица, а Божество едино».

– Катя мне объяснила, что он обладает такой же силой помощи, как Николай Чудотворец. Сказала, зайти обязательно в эту церковь, так как там чудотворная икона Спиридона Тримифунтского, который жил на острове Корфу. Знала бы я, чем это кончится!

– А вы православная? Крещены?

– Да, я крещена и вовсе не атеистка. Но церковных правил не знаю.

– Бываете в церкви?

– Редко. Конечно, в храмы я заходила не раз, но не для молитвы специально, а скорее для ознакомления. И свечи ставила просто по существующей традиции. Честно говоря, пойти в церковь с особыми духовными намерениями – таких порывов у меня не возникало.

– А ваш муж и дети крещены?

– Крещением девочек занималась моя мама. Одновременно она склонила к принятию крещения и моего мужа. По-моему, это единственный поступок в его жизни, когда он принял решение сам, не согласовывая его со своей мамой.

– А что, его мама была против? Она атеистка или мусульманка?

– Атеистка, но сдержанная. Говорит, что не может верить в то, что недоказуемо, или в то, что не имеет осязаемой или эмпирической основы. Не смеется над религией, не злится, но относится к ней как к человеческой слабости. На полочке над рабочим столом Дениса стоит рамка, в которой записано: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово» и икона его любимых святых Кирилла и Мефодия. Марианна Викторовна смиряется с иконой, так как они были людьми учеными, а для неё ученые – суперэлита человечества. Денис объясняет, что они святые, не просто ученые. Объясняет, что то, чем они занимались, выходило за рамки научной задачи. К своим трудам святой Кирилл готовился молитвой и продолжительным постом.

– Считается, что Сам Господь направил братьев на дело проповеди слова Божия среди славянских племен, – вставила Лидия Павловна.

– Денис говорит, что азбуку-глаголицу изобрели для перевода на славянский язык священных книг, так как проповедовать слово Господне только устно, всё равно, что писать на песке. Денис считает, что потомки недостаточно воздают этим святым за то, что от них получили.

– Вам мешала семейная авторитарная обстановка?

– Дело не в авторитарности. Сдержанное высокомерие и вознесение собственного сына на недостижимую для прочих интеллектуальную высоту – вот что является у Марианны Викто-

ровны психологическим барьером не только со мной, но и с другими. Хотя у неё есть подруги со времён её детского сада.

Итак, сначала я отправилась к клиенту. Когда я пришла по нужному адресу, дверь мне открыла немолодая и удивительно некрасивая женщина, как оказалось, дочь нашего клиента. Прежде чем вести меня к нему, она отозвала меня на кухню. Там она начала меня просить, чтобы я склонила отца завещать всё ей. Кроме неё имелся ещё и её брат. Она сказала: «Брат всё спустит, у него ничего не держится. А я подойду к наследству рационально и брата не обижу». Я объяснила, что нотариус не имеет права оказывать влияния или давления на завещателя, он лишь юридически заверяет его волю. Она стала предлагать мне деньги за содействие, но я объяснила, что не совершаю противозаконных действий.

Её отец, наш клиент, лежал в небольшой комнате. Высокие подушки, лекарства на тумбочке – обычная картина вокруг тяжелобольного человека. Его лицо было некрасивым, измождённым, старым. Кожа была так натянута на выступы скул и челюсти, что возникало сходство с мумией. Проступали явные следы не одной подтяжки и многочисленных ботоксов. Я вынула свой ноутбук, приготовила необходимое. Дочь стояла рядом, искала предлог остаться. Отец попросил её уйти, и я объяснила ей, что завещатель имеет право диктовать юридическому лицу своё завещание наедине. С самого начала всё тут мне было неприятно. Но нотариусу, как любому юристу, а также и врачу нельзя позволять себе эмоционально реагировать на клиента. Когда дочь вышла, он заявил:

– Моё имущество состоит из квартиры, дачи в садовом товариществе и машины типа Жигули. Могу ли я всё это одним списком завещать обоим детям: дочери и сыну?

– Да, можете.

– Как они будут делить, кто и что получит?

– При вступлении в наследство они договорятся между собой. В случае не достижения обоюдного согласия будут делить наследство через суд.

– Вот как! Что же пусть делят через суд. По крайней мере, не будут злиться, что я обидел кого-то неравной долей.

Я объяснила, как следует правильно сформулировать его волю.

– Я хочу составить и второе завещание, – высказался он.

– Второе завещание не предусматривается. Должно быть одно.

– У меня особая ситуация. У меня есть вторая семья, неофициальная. О ней никто не знает. Мои старшие дочь и сын взрослые и полностью самостоятельные. А там у меня двое маленьких детей. Я не могу бросить их на произвол судьбы, поэтому хочу завещать им по достижению их совершеннолетия деньги. Я располагаю некоторой суммой и хотел бы, чтобы эти деньги пошли на этих детей. Я собираюсь указать в завещании банковские счета, чтобы они могли получить всё официально, и чтобы никто не претендовал на это и не имел возможности оспаривать.

– Вы можете всё это указать в одном завещании.

– Вы меня не понимаете! – он начинал раздражаться, дышал тяжело. – Я согласен заплатить повышенный тариф за два завещания, которые не пересекутся между собой. А вы лично получите дополнительно сумму за помощь мне. Этот гонорар останется между нами.

Второй раз меньше, чем за час, мне в этом доме предлагали взятку! Я снова спокойно объяснила, что не могу нарушать закон.

– Есть разные варианты передачи денег, – сказала я ему. – Вы можете дать матери маленьких детей доверенность в банке.

– Я сам знаю, что для меня лучше! – разозлился он. – Почему ко мне не пришла сама Инесса? Я ведь просил её, а она прислала кого-то вместо себя!

– Она прислала меня подготовить текст. Заверять завещание она прибудет сама.

– Меня это не устраивает! Я готов платить за конфиденциальные нотариальные услуги, готов и вам лично дать деньги, но вы ничего не хотите делать.

Мне пришлось распрощаться со странным клиентом, не выполнив поручения руководства. У выходной двери из подъезда ко мне подошел мужчина:

– Вы нотариус. Вы ведь были у моего отца по поводу его завещания? И как же он изъявил свою волю?

– Я не должна и не имею права вам давать отчет по поводу его волеизъявления.

– Да ладно! Что уж там! Через неделю- две всё и так будет известно. Хотите, заплачу вам за его секреты? Мне важно выяснить отдельные моменты заранее, чтобы избежать крупного скандала.

Таким образом, мне в третий раз предложили взятку в этом семействе.

Сын клиента стоял у дверей, не выпуская меня из подъезда.

– Дело в том, что наш папаша несколько лет назад вместе с одной бизнес-шлюшкой из города Александровска приватизировал хитрым образом сразу три бывших пионерских лагеря. Несмотря на то, что бизнес-вуменша папашу обманула, ему всё-таки удалось заполучить неплохие денежки при перепродаже этих объектов. Если человек всю жизнь существовал от зарплаты до зарплаты, то став богатым, он хочет новых впечатлений. Папаша решил начать жизнь заново. Для начала сделал себе свежее лицо. Затем решил омолодить и прочее в своем организме, для чего направился в некий медицинский центр, где им занялась квалифицированная во всех смыслах медсестрица. Омоложение шло так успешно, что через какое-то время медсестрица сообщила ему, что он скоро станет отцом. Какая радость для семидесятилетнего джентльмена! Через пару лет еще один ребеночек. Не знаю, возникали ли у него сомнения в отцовстве. Он почему-то не хвастался своими достижениями и даже скрывал их. Смущала разница в возрасте почти в сорок лет или другие причины. Мать двух малюток получила от него квартиру. И не далее, как вчера, эта медработница связалась со мной, чтобы поставить меня в известность, если ей ничего не отойдет, то она будет подавать в суд на получение наследства. У неё, видите ли, есть свидетели.

– Вам следует обратиться в юридическую консультацию, чтобы выяснить ваши вопросы.

– Зачем мне эти консультации? Я задаю вам вопрос, обозначил ли он её в своём завещании. По закону она ему никто, и я думаю, он догадывался, дети не его. Вы что, не можете подсказать, как мне лучше действовать? Заплачу столько, сколько скажете.

Как можно бороться с коррупцией в стране, где граждане без всяких сомнений предлагают деньги юридическому или должностному лицу, считая, что с помощью денег они без труда развернут закон в желаемую сторону?!

Занимаясь документами, связанными с имущественными отношениями людей, я давно в этом плане не смотрю на жизнь с романтическим пафосом. Но взаимная лживость членов этой семьи у меня вызвала брезгливость. Какой-то особый сгусток лжи! Все врут всем. Человек даже на смертном одре готов к подкупу. Я злилась, что Инесса не предупредила меня, что знакома с этим человеком. Ей, по-видимому, хотелось, чтобы я вместо неё разрулила его семейную ситуацию. Она тоже обманула меня.

Я шла в Брюсов переулок в церковь и думала о том, как непринужденно люди лгут. Буквально по любому поводу. И опасаются не кары свыше, а лишь непосредственного разоблачения их лжи. Даже на смертном одре человек готов дать деньги, чтобы что-то скрыть от собственных детей.

Церковь, куда я пришла, оказалась очень красивой. Шла служба, но я в этом ничего не понимаю, поэтому я больше рассматривала замечательные иконы, чем думала о чем-то возвышенном или, тем более, божественном. Спросила, где находится икона Спиридона Трими-

фунтского. Мне показали. Но она оказалась другой, непохожей на ту, что подарила мне Катя. Здесь она состояла как бы из нескольких фрагментов в серебряных окладах великолепной работы, объединённых в одну раму.

– Изображение Спиридона находится посередине, а по сторонам от него расположены частицы мощей других святых. Эта икона считается очень сильной, чудотворной. К ней приезжают специально, – пояснила Лидия. – Особенно много народа в день почитания святого Спиридона Тримифунтского – 25 декабря.

– К иконе стояла небольшая очередь. Люди подходили, прикладывались. Я не могла этого сделать, так как не понимала подобных чувств. Я смотрела вокруг, рассматривала лица людей. Видела торопливость, как в любой очереди, словно, некоторые боялись не успеть, или опасались, что всем не хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.